

Когда они добрались до деревни Чжу, на небе уже мерцали редкие звёзды, а тонкий месяц только начал подниматься. Матушка Лю ждала у дома и окликнула: «Детка, иди скорее ужинать!» Лю Хун отозвался, привязал лошадь в стойле и прошёл на кухню. На ужин были лепёшки, рыбная похлёбка и блюдечко с бобовой пастой — трапеза вполне сытная.

— Воров поймали?

— Поймали.

Лю Хун откусывал от лепёшки кусок за куском, даже не макая в соус.

— Будь осторожен, сынок. Я слышала, кругом одни воры, всех не переловишь.

Матушка Лю заметила, что миска с похлёбкой опустела наполовину, и снова зачерпнула полную ложку.

— Не беспокойся, матушка, я не буду безрассудным.

Лю Хун доел лепёшку и принялся жадно хлебать похлёбку.

— Не торопись, ещё есть.

Матушка Лю решила, что сын просто очень голоден.

Перекусив наспех, Лю Хун пошёл проведать домашних кроликов и овец, задал корма лошади и лишь потом направился к усадьбе семьи Чжуан.

Перейдя деревянный мостик, он оглянулся на свой дом. Матушка Лю всё ещё хлопотала на кухне. В последнее время ей не приходилось ткать с утра до ночи, и жизнь семьи Лю стала немного полегче.

При лунном свете усадьба семьи Чжуан казалась особенно прекрасной. Камелии алели ярким румянцем, их аромат был едва уловимым, но они цвели тихо и упорно.

Ещё не войдя во двор, он сначала увидел камелии, а потом услышал звуки циня. Лю Хун приходил сюда послушать музыку почти каждую ночь. Порой он просто стоял за кустами камелий, не мешая играющему и не привлекая внимания остальных.

Такое поведение, пожалуй, могло показаться глупым.

— А-Хун, ты опять ходил со Старинной Дуанем ловить воров? Поймали? — только Лю Хун переступил порог, его заметил А-И.

Старина Дуань с утра приезжал в деревню Чжу за Лю Хуном на лошади, и А-И, видимо, это приметил.

— Двое конокрадов.

— Вот уж действительно, не найти им доброй смерти! Чужой рабочий скот красть, резать да варить — какое бесчестье! Хочешь мяса — кур или уток украдь, а как крестьянину без быка жить-то?..

А-Хэ, полоскавшая бельё у колодца, услышав про конокрадов, пришла в негодование.

Звуки циня смолкли — казалось, музыкант прислушивался к их разговору.

А-И поддакнул:

— И впрямь мерзавцы. Поймали бы — насмерть забьют.

Но мысли Лю Хуна витали далеко. Он направился к камелиям и подошёл к Чжуан Яну. При лунном свете тот поднял на него взгляд — он почуял приближение Лю Хуна, хоть тот и подкрадывался бесшумно. Лю Хун тихо присел рядом с Чжуан Яном, выпрямив спину и приняв почтительную позу.

В курильнице тлели травы, отпугивающие мошкарку; лёгкий ароматный дымок поднимался вверх и оседал на одежде Лю Хуна. Тот наклонился, чтобы вдохнуть его поглубже.

— От тебя пахнет кровью. Ты ранен? — спросил Чжуан Ян.

— Угу.

Может, оттого, что сидели близко, Чжуан Ян учуял, да и Лю Хун не стал скрывать.

— Пойдём наверх, я перевяжу тебе рану.

Чжуан Ян поднялся, Лю Хун последовал за ним, ступая в след.

Поднявшись по лестнице и пройдя по деревянной галерее, Лю Хун скользнул взглядом по ирисам, разросшимся на перилах. Два года назад здесь торчал один-единственный стебель. Тогда Лю Хун был Чжуан Яну лишь по плечо, а теперь почти сравнялся с ним ростом и стал куда крепче сложен.

В комнате Чжуан Ян закатал Лю Хуну рукав, обнажив небрежно перевязанную руку. Сняв окровавленную тряпицу, он увидел длинный, но неглубокий порез. Чжуан Ян опустил на колени рядом с Лю Хуном, взял его руку и принялся осматривать рану. Его пальцы были тонкими и изящными, тогда как ладонь Лю Хуна — грубой и мозолистой. Чжуан Ян достал баночку с порошком и ловко присыпал рану. Он склонился над ней, весь — внимание. Лю Хун украдкой взглянул на его склонённую голову: в тусклом свете масляной лампы лицо Чжуан Яна казалось особенно мягким и благородным.

— Станный ты, братец А-Хун: ранился — и сразу к старшему брату, — раздался девичий голосок. Лю Хуну даже не нужно было поднимать голову — он узнал Чжуан Лань.

— Старший брат ведь не лекарь.

Чжуан Лань притащила две-три бамбуковые планки и шлёпнула их на стол, а потом подскочила к Лю Хуну, чтобы разглядеть рану.

— Ой, какая длинная! Братец А-Хун, больно?

Чжуан Лань ткнула пальцем в его руку, и Лю Хун дёрнул бровью.

— Хе-хе, больно.

— А-Лань, ты дочитала? — Чжуан Ян прикрыл коробочку с порошком, вытер пальцы тряпицей и достал из ларца чистый бинт.

— Старший брат, я несколько раз принималась, но каждый раз клонило в сон, и я засыпала.

Чжуан Лань с серьёзным видом принялась рассказывать о своих злоключениях, будучи уверенной, что брат её непременно поймёт.

Чжуан Ян принялся обматывать Лю Хуну руку бинтом, перевязывая рану. Движения его были лёгкими, Лю Хун не чувствовал боли — напротив, казалось, он получал от процесса удовольствие.

— Видимо, совсем не больно! Старший брат, смотри, братец А-Хун даже улыбается!

Чжуан Лань растянула себе уголки губ пальцами, изображая улыбку.

Чжуан Ян, кажется, тоже улыбнулся — совсем чуть-чуть.

— В следующий раз будь осмотрительнее. Сталь неумолима, — закончив перевязку, наказал Чжуан Ян.

— Спасибо, второму брату.

Лю Хун поднялся, спустил рукав и встретился взглядом с любопытными глазами Чжуан Лань. Он прищурился на неё, а она тут же принялась размахивать руками, изображая драку, и издавать боевые кличи — явно пародируя Лю Хуна на тренировках.

— А-Лань, хочешь научиться боевым искусствам?

Такой развязной девчонки Лю Хун ещё не видывал — даже Дуань Сы была куда степеннее.

— Братец А-Хун, научишь? Я тоже хочу меч, как у тебя, — такой грозный! — Чжуан Лань тут же завёртыла хвост.

— А-Хун, завтра я поеду в уезд, чтобы отвезти А-Пину одежду. Составишь мне компанию?

Старик И одряхлел и уже почти не правил повозкой, тем паче что в последние годы в округе то и дело объявлялись разбойники.

— Составлю, — охотно согласился Лю Хун.

Дорога из деревни Лай в уезд шла через сплошные тутовые рощи. Четверо-пятеро девушек, собиравших листья, звонко пересмеивались, порой останавливаясь у обочины поболтать. Мимо проезжало немало повозок и всадников, но девушки, заметив экипаж семьи Чжуан, принялись перешёптываться и указывать пальцами.

Повозка была самая что ни на есть обычная, безо всяких украшений, но в ней сидел человек, приковывавший взгляды.

Чжуан Ян был красив, одет в роскошные одеяния и выглядел совсем юным.

Девушки-шелкопряды провожали его глазами, щебетали без умолку — деревенские девки, не обученные правилам приличия.

Чжуан Ян не обращал на них внимания. Он откинулся на спинку сиденья, позволяя весеннему ветерку ласкать лицо, а взгляд его скользил по придорожным цветам и травам: полураскрытым жёлтым и белым горьким цветам, а также пурпурным крапинкам кислицы.

Неторопливо шагавшая лошадь вдруг прибавила ходу. Чжуан Ян обернулся к Лю Хуну и увидел, как тот ухмыляется. Улыбка Лю Хуна была ясной и открытой. Повозка понеслась, вздымая пыль, что, конечно же, заставило разглядывавших их девчонок с визгом разбежаться. Лю Хун понял, что Чжуан Ян раскусил его маленькую хитрость, и пробурчал:

— Надоели.

Чжуан Ян усмехнулся. Он смотрел на юное и прекрасное лицо Лю Хуна и думал: если бы тот одевался получше, ещё неизвестно, за кем бы гонялись эти девки.

Юный Лю Хун был статен и строен, с густыми бровями-мечами и пронзительным взглядом.

Повозка въехала в уезд, миновала оживлённые торговые ряды и хоромы богатых купцов и наконец остановилась у скромного, укрытого деревьями домика.

Не успела она подкатить к воротам, как навстречу высыпали слуги. Лю Хун подогнал её к старой абрикосе. — Второй брат, тут тенисто, — сказал он, заметив, что на лбу Чжуан Яна выступила испарина. Под деревом и впрямь было прохладно и приятно.

Это был дом Янь-фуцзы, знаменитого учёного мужа из Линьцюна. Во дворе стояли две повозки — видно, посетителей было немало.

Слуги удалились доложить о гостях, и вскоре сам Янь-фуцзы вышел им навстречу, пригласив Чжуан Яна в главный зал. Лю Хун последовал за ними, как подобает слуге.

Чжуан Ян и Янь-фуцзы уселись для беседы, Лю Хун же встал поодаль. Учитель Янь поднял на него взгляд, увидел за спиной лук и стрелы и спросил Чжуан Яна:

— А это кто? — Чжуан Ян улыбнулся:

— Соседский паренёк, сегодня вызвался погонять лошадь.

Слуги, едва семья Чжуан появилась, отправились с докладом в школу, и вскоре явился Чжуан Пин, поспешно поклонившийся учителю и старшему брату, а затем присевший рядом с Чжуан Яном. Чжуан Пин был учтив и степенен, уже походил на взрослого мужчину.

— А-Пин, настало тепло, я привёз тебе весеннюю одежду. И ещё коробочку фиников, которые передала А-Лань.

Лю Хун протянул свёрток Чжуан Пину, и тот принял его со словами благодарности.

Только тогда Чжуан Ян спросил брата об учёбе, обращаясь и к нему самому, и к учителю. Беседа их вращалась вокруг стихов и канонов, что Лю Хуну казалось смертной скукой.

Лю Хун тихонько вышел во двор, улёгся на повозке и достал оттуда поломанный меч хуаньшоу, принявшись его разглядывать. В торговых рядах был кузнец, который мог бы его починить, потому Лю Хун и прихватил клинок с собой.

— Брат Хун, а как меч сломался? — раздался голос сзади. Лю Хун приподнялся и увидел подходящего к нему Чжуан Пина.

— Позавчера воров ловили, нечаянно перерубил. Сейчас отнесу кузнецу, пусть починит.

<http://bllate.org/book/15945/1425634>